

A dark, swirling liquid, possibly water or a thick, viscous fluid, fills the frame. In the upper center, a human skull is visible, partially submerged and viewed through a circular opening, like a porthole or a hole in a surface. The skull is pale and has a dark, hollow expression. The liquid around it is dark blue and black, with white, swirling patterns that suggest movement and turbulence. The overall atmosphere is eerie and unsettling.

ЧЕРНАЯ ГОНЧАЯ СМЕРТИ

И ЕЩЕ 12 ЖУТКИХ РАССКАЗОВ

**Говард Филлипс Лавкрафт
Фитц Джеймс О'Брайен
Френсис Мэрион Кроуфорд
Роберт Ирвин Говард
Артур Конан Дойл
Густав Майринк
Артур Квиглер-Куч
Уильям Хоуп Ходжсон**

**Черная гончая смерти (и
еще 12 жутких рассказов)**

Серия «Все оттенки ужаса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67253805

Черная гончая смерти:

Аннотация

Бездонные черные пещеры и рыцарские замки с золотыми шпильями, магические книги с пятнами крови на пожелтевших страницах и призраки, растворяющиеся в сиреновой предутренней дымке. Человекоподобные монстры, оборотни, отведавшие колдовского зелья, жертвы чудовищных

генетических экспериментов и самые обычные домашние животные, в которых внезапно вселяется нечистая сила.

Все начинается с легкого трепета, но постепенно перерастает в парализующий ужас, поистине вселенских масштабов. Вы будете дрожать от страха, и прислушиваться: не раздастся ли в отдалении жуткий вой? Не скрипнут ли половицы под мягкими лапами хищника? Не вонзятся ли острые когти фантастических тварей в вашу хлипкую дверь?

Рассказы признанных мастеров ужаса из этого сборника наполнены мрачной готической атмосферой и удушливыми ночными кошмарами. За это их и обожают миллионы читателей.

Содержание

Роберт Говард	5
Роберт Говард	40
Роберт Говард	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Черная гончая смерти

Роберт Говард

Черная гончая смерти

I

Темень, хоть глаз выколи! Очень точная фраза, хотя звучит жутковато. В ней угадывается не только крошечный мрак, но и невидимые чудовища, таящиеся во мраке. Они прячутся в глубоких тенях и избегают дневного света. Они крадутся по пятам за каждым из нас, даже за теми, кто не верит в мистику. Мысли об этих жутких существах смутно мелькали у меня в голове той ночью, когда я ощупью шел по узкой тропе через сосновый бор. Такие мысли, вероятно, сопровождают любого человека, который осмелился ночью вторгнуться в этот богом забытый край, заросший лесом и почти задушенный петлями илистой реки, который местные жители прозвали Египтом – поди, угадай, по какой причине.

По эту сторону неосвещенной бездны ада вряд ли где-нибудь встретишь такую абсолютную и непроглядную черноту, как в сосновом лесу. Тропинка, словно змея, уползала в чащу, я ничего не видел и не слышал, шагал, повиную-

ясь древним инстинктам. Я шел так поспешно, как только осмеливался, ежеминутно оглядывался, ожидая удара в спину. Опасался я вовсе не сверхъестественных тварей, таящихся во тьме. Да, призраки могут бродить здесь в окровавленных одеждах, томимые людоедским голодом – как утверждали суеверные жители здешних мест. Но я не боялся призраков. Я прислушивался, не раздастся ли поблизости хруст ветки под тяжелым сапогом или звук взведенного курка, который предвещал бы убийство. Тот, кого я боялся, был страшнее любого шепчущего во тьме фантома. В то утро худший из известных в этом штате головорезов вырвался из тисков закона, расстреляв несколько охранников. За рекой лаiali собаки, а полицейские с ружьями прочесывали заросли. Убийцу искали на задворках поселения чернокожих бродяг, подозревая, что беглец попытается затеряться среди себе подобных. Но я знал Топа Брэкстона лучше, чем все остальные. Он был до крайности нелюдим, и потому скорее захочет укрыться в дремучем лесу и жить в одиночестве, как обезумевшая от крови горилла, что напугало и устрасило бы любого другого человека.

Пока погоня уходила в другую сторону, я направился в Египет. Не только для того, чтобы отыскать Топа Брэкстона. Я хотел предупредить одного достойного человека, который жил в самом центре соснового лабиринта со своим слугой, предупредить, что жестокий убийца бродит неподалеку от их хижины.

Я шел пешком, и, возможно, это было большой глупостью, но мужчины из рода Гарфилдов не имеют привычки поворачивать назад, пройдя половину пути. Когда моя лошадь неожиданно захромала, я привязал ее возле одной из хижин на окраине Египта. Брел по тропе, сквозь сгустившийся мрак, и думал о том, что дорогу обратно вряд ли осилю. Лучше уж остаться до утра в хижине Ричарда Брэнта, того самого отшельника, которого я собирался предупредить. Он был ужасным мизантропом, скупым на слова и очень подозрительным, но вряд ли сегодня откажет мне в ночлеге. Он жил в покосившейся хижине, в самом сердце Египта, уже полгода, но никто не знал, почему мистер Брэнт решил укрыться от общества в сосновом лесу.

Внезапно мои размышления о таинственном отшельнике оборвались. Я замер, стараясь унять нервное покалывание кожи на тыльной стороне рук. Меня напугал внезапный крик, долетевший из темноты. Короткий вопль, наполненный ужасом, прозвучал где-то впереди, а вслед за этим на лес обрушилась бездыханная тишина. Тишина, от которой тьма, казалось, становилась еще мрачнее.

Крик повторился, на этот раз гораздо ближе. Я услышал топот босых ног по тропе, и какая-то тварь бросилась на меня. Револьвер сам скользнул в руку, и единственное, что удержало меня от нажатия на спусковой крючок, – в столах, которые доносились из темноты, я различил рыдания испуганного человека. Он врезался в меня, завизжал и рухнул

навзничь, пуская слюни.

– Боже, спаси меня! – в бормочущем голосе слышались отзвуки предсмертной агонии. – О, помилуйте меня, добрый господин!

– Кто ты такой, черт возьми? – зарычал я, стараясь не показывать страха, хотя мои волосы встали дыбом, а руки дрожали.

Несчастный узнал мой голос и вцепился скрюченными пальцами в мои колени.

– Миста Кирби! Не позволяйте ему схватить меня! Он растерзал мое тело, а теперь хочет забрать и душу мою. Это я – Джимми Тик, узнаете? О, не позволяйте ему погубить меня!

Я чиркнул спичкой и стоял, глядя в изумлении, в то время как огонь обжигал мои пальцы. У моих ног, закатывая глаза, корчился в пыли бродяга. Я узнал его. Один из дровосеков, что живут в крошечных бревенчатых хижинах на окраине Египта. Он был весь в крови, и, судя по зияющим ранам, жить ему осталось недолго. Кровь хлестала из разорванных артерий на груди, плече и шее. Одно ухо было оторвано, кожа на виске свисала клоками, будто какой-то гигантский зверь ударил беднягу когтистой лапой.

– Кто, черт возьми, это сделал? – воскликнул я, когда спичка погасла. – Медведь?

Но, когда я это произнес, сразу вспомнил, что медведей в этих местах не видели тридцать лет.

– Он сделал это! – всхлипнул раненый. – Белый человек, который пришел ко мне в хибару и попросил отвести его к дому миста Брэнта. Он сказал, что страдает от зубной боли, поэтому замотал голову платком. Но в лесу повязка соскользнула, я увидел лицо – за это он меня и убил...

– Объясни, Джимми, он что, натравил на тебя собак? – я нагнулся к нему, зажигая новую спичку. Ну да, раны были такими же, как у животных, которых загрызли охотничьи псы.

– Нет, миста, – прохныкал затихающий голос. – Он сделал это са-а-а-а-а-а-ам!

Бормотание переросло в крик, когда раненый повернул голову и посмотрел назад, в темноту, из которой пришел. В этот миг смерть настигла несчастного, крик оборвался на самой высокой ноте. Я не взглянул на покойника, я напряженно всматривался во мрак, и вскоре различил нечеткий силуэт в пяти ярдах от тропы. Мне показалось, что между деревьев стоит худой и высокий мужчина. Я хотел окликнуть его, открыл рот, но не смог издать ни звука. Язык присох к небу. Меня бил озноб. Это был страх, примитивный и бессмысленный, я стоял, будто парализованный, и не мог понять, почему эта безмолвная неподвижная фигура, вызывает столь сильный ужас.

Внезапно фигура двинулась в мою сторону, и я обрел голос.

– Стой! Я выстрелю!

Со свирепым рычанием незнакомец бросился на меня. Выстрел не достиг цели, но вспышка ослепила меня, не давая разглядеть высокую, похожую на человека, фигуру. Я почувствовал острую боль в шее и отлетел в сторону от удара невероятной силы. Судя по шелесту ветвей, мой противник сбежал. Серdito выругавшись, я нащупал в кармане коробок спичек. Я зажег одну и осмотрелся. Кровь текла по моему плечу, пропитывая рубашку. Кожаная куртка разорвана, будто когтями дикого зверя, но к счастью, царапины оказались неглубокими.

II

Джимми Тик лежал лицом вниз в луже собственной крови, руки и ноги были неестественно вывернуты, как у пьяного. Я с тревогой смотрел вслед ужасному существу, сбежавшему в чащу. Неужели, это человек? Да, очертания его были расплывчатыми, но я готов поклясться — человеческими. Тогда чем он нанес столь жуткие раны, похожие на укусы огромных звериных зубов? Я покачал головой. Таланты человечества по части создания смертоносного оружия поистине безграничны. Сейчас лучше подумать о другом. Стоит ли рисковать жизнью, продолжая свой путь по заросшему лесом Египту, или лучше вернуться в деревню, привести людей и собак, чтобы унести труп бедного Джимми Тика и выследить его убийцу?

Я размышлял недолго. Если помимо кровожадного Топа Брэкстона, в сосновом лесу бродит еще один убийца, то у людей в одинокой хижине все меньше шансов выжить без моего предупреждения. Если я сбегу из Египта живым, то Ричард Брэнт и его слуга погибнут, и смерть их ляжет тяжелым грузом на мою совесть. К тому же отступать не менее опасно, чем идти вперед. Поэтому я оставил тело Джимми Тика на тропе и пошел дальше, с револьвером в руке. Джимми убил не Топ Брэкстон. Перед смертью дровосек сказал, что его растерзал загадочный белый человек. Брэкстон был темнокожим. Кроме того, я узнал бы его приземистое обезьянье тело даже в темноте. А тот, кто ранил меня, был высоким и худощавым...

Неприятно идти по тропе сквозь черный лес, когда сквозь густые ветки мерцают только звезды, и зная, что безжалостные убийцы прячутся поблизости, возможно, на расстоянии вытянутой руки, в крошечной тьме. На моем лице выступил пот, и я прислушался к шелесту листьев и треску веток – как знать, были ли эти звуки естественным шумом леса? Или кто-то крадется по моим следам? Я ускорил шаги и вдалеке, сквозь черные деревья, увидел слабое сияние. Неужели, это хижина? Нет, свет явно движется, но он слишком далеко, чтобы я мог разглядеть источник. Я остановился, не рискуя идти дальше. Вскоре таинственное сияние исчезло, и только тогда я понял, что это вполне мог быть свет факела из смолистых веток. Я поспешил вперед, проклиная себя за безволие.

Пора отринуть страх. Ведь я с детских лет рос в этой стране вражды и насилия, где вековая ненависть все еще тлеет из поколения в поколение. Угроза пули, выпущенной из засады, никогда раньше не волновала меня. К этому я привык. Но теперь знал, что боюсь чего-то туманного, чего не могу понять или объяснить.

Я вздохнул с облегчением, когда увидел свет хижины Ричарда Брэнта, но не ослабил бдительности. Многие люди, преследуемые опасностями, были сбиты с толку на самом пороге, за шаг до спасения. Постучав в дверь, я обернулся, взглядываясь в тени, окружавшие крохотную поляну.

– Кто там? – раздался изнутри глубокий резкий голос. – Это ты, Эшли?

– Нет, это Кирби Гарфилд.

Верхняя створка двери открылась, и в проеме показались голова и плечи Ричарда Брэнта. Свет из хижины оставлял большую часть его лица в тени, но я разглядел резкие изможденные черты и блеска мрачных серых глаз.

– Что тебе нужно в столь поздний час? – потребовал он ответа со своей обычной грубостью.

Я ответил спокойно, хотя мне не нравился этот человек. Вежливость в нашей части страны – это обязанность, от которой ни один джентльмен не думает уклоняться.

– Сегодня утром Топ Брэкстон прикончил констебля Джо Сорли и его помощника, а после сбежал из тюрьмы. К гадалке не ходи, он укрылся здесь, в Египте. Я думал, следует

предупредить, что поблизости от твоей хижины скрывается опасный убийца.

— Ну, ты меня предупредил, — отрезал он, как это принято у приезжих из восточных штатов. — Теперь ты можешь уходить.

— Нет уж, я не собираюсь блуждать ночью в этих чертовых дебрях, — ответил я уже сердито. — Я пришел сюда, чтобы предупредить тебя, не из-за какого-нибудь уважения или иных высоких чувств, а просто потому, что ты белый человек. Я не позволю чернокожему злодею застать тебя врасплох. Надеюсь на ответную любезность. Достаточно шкуры на полу этой хижины. Тебе даже не придется меня кормить.

Последнее было оскорблением, но я не смог сдержаться. Ричард Брэнт проигнорировал мой намек на его скупость и невежливость.

— Ты встретил Эшли где-нибудь на тропе? — спросил он.

Эшли был слугой. Мрачный, такой же неразговорчивый, как и его хозяин, раз в месяц он приходил в далекую речную деревню за припасами.

— Нет, не встречал.

— Что ж... Думаю, мне придется впустить тебя, — нехотя пробормотал Брэнт.

— Открывай скорее, — рявкнул я. — У меня рана на плече, надо бы ее промыть и перевязать. Топ Брэкстон, знаешь ли, не единственный злодей, из тех, кто шастает в этом лесу нынче ночью.

Брэнт возился с засовом на нижней створке, но тут остановился.

– Что ты имеешь в виду?

– Примерно в двух милях отсюда на тропе лежит мертвец. Джимми Тик, помнишь такого? Тот, кто убил его, пытался убить и меня. Насколько я знаю, он может преследовать тебя. Убитый был проводником, нанятым, чтобы показать дорогу к этой хижине.

Ричард Брэнт вздрогнул, и его лицо побагровело.

– Кто-то искал мою хижину? – его голос неожиданно дрогнул. – Это был мужчина?

– Да, высокий и худощавый. А еще ему каким-то образом удастся разорвать своих жертв, словно он не человек, а дикий зверь...

– Гончая! – завизжал Брэнт.

Его глаза остекленели, волосы зашевелились, а кожа стала пепельной. Он закусил губу, но потом обрел голос.

– Убирайся! – завопил он. – Теперь я вижу! Я знаю, почему ты хотел проникнуть в мой дом! Чертов дьявол! Он послал тебя! Ты его соглядадай!

Он задвинул засов с громким лязгом и вскинул руки над нижней створкой двери. Сверкнула сталь. Отшельник уткнул мне в лоб два вороненых ствола.

– Убирайся, пока я тебя не пристрелил!

Я отступил на шаг. По коже пробежали мурашки при мысли о выстреле из двустволки с близкого расстояния.

– Идиот! – прошипел я, стараясь усмирить взбесившееся сердце. – Будь осторожнее, и не размахивай этой штукой. Я уйду. Лучше рискнуть в лесу с дюжиной убийц, чем остаться в запертой комнате с сумасшедшим.

Брэнт не ответил. Тяжело дыша и дрожа, как человек, охваченный лихорадкой, он склонился над своим дробовиком. Я повернулся и зашагал по поляне. Там, где начинались деревья, я мог бы развернуться и подстрелить его из верного кольта 45 калибра. Руки у меня побыстрее, чем у напуганного отшельника. Но я пришел в этот проклятый лес, чтобы предупредить дурака, а не убивать его.

Когда я протиснулся между двух близко растущих сосен, хлопнула верхняя створка двери, и поток света из хижины резко оборвался. Я замер в темноте, напрягая слух, чтобы не пропустить ни малейшего шороха среди черных ветвей.

Мои мысли вернулись к Ричарду Брэнту. Его неистовый страх граничил с безумием. Получается, он знает, что некий враг рыскает по округе в поисках одинокой хижины? Что если Брэнт спрятался здесь, за рекой, в чаще леса, только по одной причине – чтобы спастись от этого человека? Может быть, он лишь притворяется отшельником, которому наскучил мир и который ненавидит всех людей – белых и желтых, чернокожих и краснокожих, – в равной степени? А на самом деле он – преступник, скрывающийся от закона?

Свет исчез позади меня, среди черных деревьев также не мелькало ни огонька. Стараясь не шуметь, я осторожно дви-

нулся по тропе, но не успел далеко уйти. На этот раз я услышал конский топот и грохот колес. Ошибки быть не может, кто-то едет по тропе. Эшли? Слуга возвращается из деревни с припасами? Нет, звук не приближается, а удаляется, растворяясь в далеком тумане.

Я пошел вслед за призрачным топотом и вскоре услышал впереди торопливые, спотыкающиеся шаги и быстрое, задышающееся дыхание, которое казалось признаком паники. Я различил шаги двух человек, хотя ничего не видел в темноте. В этом месте ветви переплелись над тропой, образуя сплошную арку, сквозь которую не проникал даже звездный свет.

– Адское пекло! Кто здесь? – негромко спросил я.

Шаги затихли. Я представил две фигуры во мраке, которые напряженно стояли, затаив дыхание.

– Кто здесь? – повторил я. – Не бойтесь. Это я, Кирби Гарфилд.

– Стой, где стоишь! – раздался окрик, и я узнал хриплый голос Эшли. – Ты говоришь как Гарфилд, но я хочу быть уверенным. Если шевельнешься, тебя пронзит пуля.

Раздался царапающий звук, вспыхнуло крошечное пламя. При свете спички я увидел квадратное лицо Эшли, а он разглядел меня и опустил пистолет. Смутно я разглядел рядом с ним стройную женскую фигуру.

– Окей, это ты, – проворчал Эшли. – Но какого лешего ты здесь забыл?

– Пришел предупредить Брэнта о Топе Брэкстоне, – ответил я не слишком вежливо, поскольку ненавижу, когда меня заставляют отчитываться за свои действия. – Ты слышал о побеге? Ну да, ты же был в деревне, а там только это и обсуждают. Черт! Если бы я знал, что ты в деревне, то не сунулся бы в эту тьму египетскую. Но где повозка? Почему ты идешь пешком? И кто это с тобой?

– Наши лошади убежали, – с досадой ответил он. – Там, на тропе лежит мертвец. Но не он напугал лошадей. Когда мы вышли, чтобы осмотреть тело, они стояли спокойно, но спустя пять минут вдруг фыркнули и понесли, охваченные ужасом. Мы тоже испугались. По внешнему виду покойника, я решил, что его растерзала стая волков, наверное, их запах и спугнул лошадей.

– Ты же знаешь, Эшли, что волки в этих местах не охотятся стаями. Да и на людей уже лет десять не нападали... Нет, Джимми Тика убил человек.

Эшли запалил новую спичку и посмотрел на меня с изумлением, а затем я увидел, как изумление исчезло с его лица, и он побледнел от страха. Его бронзовое лицо стало таким же пепельным, какое я видел недавно у его хозяина. Спичка погасла. Мы молчали.

– Ну, – нетерпеливо сказал я, – отвечай уже! Что тебе известно обо всей этой жути? И что это за дама бродит по ночному лесу вместе с тобой?

– Это племянница мистера Брэнта, – сухо сказал Эшли.

– Я Глория Брэнт! – поклонилась она, стараясь выглядеть беспечной, но голос девушки дрожал. – Дядя Ричард телеграфировал, чтобы я немедленно приехала к нему...

– Я видел телеграмму, – пробормотал Эшли. – Вы показали ее мне. Но я не знаю, когда хозяин отправил ее. Он не был в деревне уже несколько месяцев, и мне не поручал ничего подобного.

– Я приехала из Нью-Йорка так быстро, как только смогла! – продолжала девушка. – Не могу понять, почему телеграмма была отправлена мне, а не кому-то еще из семьи...

– Вы всегда были любимицей своего дяди, мисс, – пробормотал Эшли.

– Когда я приплыла в деревню и покинула пароход, то совершенно случайно обнаружила Эшли, который набрал припасов и собирался ехать домой. Он страшно удивился, увидев меня, но, посадил в повозку, и мы поехали по тропе. А затем увидели этого... Мерт... Мер...

Она побледнела, вспоминая ужасную картину. Было очевидно, что мисс Глория выросла в очень изысканной и утонченной атмосфере. Если бы она родилась в этих краях, как я, да побродила по здешним лесам, как я, то вид мертвого человека не стал бы для нее таким потрясением.

– Мертвеца, – запинаясь, пробормотала она.

В ответ из чащи раздался жуткий смех, от которого кровь стыла в жилах. Затем мы слышали странные звуки, такие нечеткие и искаженные, что сначала я даже не понял, что это

слова человека.

– Мертвец! – завывал нечеловеческий голос. – Мертвец! Вы все мертвецы! Перед рассветом, среди сосен, найдут ваши тела с разорванными глотками! Мертвецы! Дураки, вы все мертвы!

Мы с Эшли одновременно пальнули в направлении голоса, и грохот выстрелов заглушил жуткое пение. Но странный смех раздался снова, глубже в лесу. Потом тишина сомкнулась, как илистые воды реки над утопленником. Девушка дышала так, будто вот-вот упадет в обморок, она отчаянно цеплялась за мою руку. Я чувствовал дрожь ее гибкого тела, которое прижималось к моему боку. Вероятно, она просто следовала древнему женскому инстинкту и искала защиты у сильнейшего. Даже при свете спички она смогла разглядеть, что я крупнее Эшли.

– Поторопитесь, ради бога! – хрипло шептал слуга. – До хижины недалеко. Поторопитесь! Ты пойдешь с нами, Гарфилд?

– Что это было? – простонала девушка. – Что это было?

– Думаю, что это сумасшедший, – ответил я, осторожно обнимая ее за плечи. Но в глубине души я твердо знал, что ни у одного сумасшедшего никогда не было такого голоса. Это звучало так, – о, Боже! – это звучало, как будто дикий зверь говорит человеческие слова, но не человеческим языком!

– Встань по другую сторону от мисс Брэнт, Эшли, – командовал я. – Держитесь как можно дальше от деревьев. Ес-

ли что-то двинется с той стороны, сначала стреляй, а потом уже задавай вопросы. Я сделаю то же самое с этой стороны. А теперь, ходу!

Он не ответил, но подчинился. Испуг старого слуги казался глубже, чем испуг девушки. Его дыхание было прерывистым. Путь казался бесконечным, а тьма – бездонной. Ужас прилипал к нашим спинам, крался, ухмыляясь, по обе стороны от тропы. Мне поминутно казалось, что демоническое существо с когтями и клыками вот-вот прыгнет мне на плечи. Я вертел головой и скрежетал зубами. Маленькие ножки девушки едва касались земли, мы почти несли мисс Глорию, поддерживая ее, и подталкивая друг друга. Не останавливаться! Только не останавливаться...

Впереди показался просвет между деревьями, и порывистый вздох облегчения сорвался с губ Эшли. Он все увеличивал темп, пока мы почти не побежали.

– Хижина, наконец-то, слава Богу! – обрадовался он, когда мы вынырнули из соснового бора.

– Крикни своему хозяину, Эшли, – проворчал я. – Час назад он прогнал меня, потрясая дробовиком. Не хотелось бы, чтобы в нас стрелял старый...

Я вовремя прикусил язык, вспомнив, что с нами дама.

– Мистер Брэнт! – крикнул слуга. – Мистер Брэнт! Скорее откройте дверь, сэр! Откройте, это я – Эшли!

Свет залил поляну, когда верхняя створка двери откинулась с глухим стуком. Брэнт выглянул наружу с двустволкой

в руках.

– Эшли? Это точно ты? А кто это с тобой? – в его голосе все еще звучала давешняя паника. – Кого ты привел?

– Это Кирби Гарфилд, сэр, и ваша племянница, мисс Глория.

– Дядя Ричард! – воскликнула девушка, и голос ее сорвался от рыдания. Она подбежала к отшельнику и обвила руками его шею. – Дядя Ричард, я так боюсь! Что все это значит? Он казался потрясенным.

– Глория? Что, черт возьми, ты здесь делаешь?

– Но ведь ты сам послал за мной! – она нашла помятый желтый телеграфный бланк и протянула дяде. – Видишь? Ты просил, чтобы я приехала немедленно!

Брэнт побледнел еще сильнее, хотя мне казалось, что это уже невозможно.

– Я этого не посылал, Глория! Боже правый, зачем мне тащить тебя в этот чудовищный ад? Зачем втягивать невинное дитя в дьявольские козни? Входи, входи скорее!

Он опустил двустволку и, рывком открыв дверь, затащил племянницу внутрь. Эшли вошел следом и воскликнул:

– Ну же, Кирби, не мешкай!

При упоминании моего имени Брэнт вырвался из объятий девушки и с отчаянным криком начал поднимать дробовик. Но на этот раз я был к этому готов. Мои нервы были на взводе, а курок я взвел еще раньше. Прежде чем старый дурень успел вскинуть руки, он заглянул в дуло моего 45-го.

– Опустит, Брэнт, – приказал я. – Опустит, или я продырявлю тебе руку, а может статься, и тупую башку. Мне надоели твои идиотские подозрения.

Он заколебался, дико вращая глазами, и девушка за его спиной отпрянула. Полагаю, что в потоке света из дверного проема я уже не внушал доверия мисс Глории. Еще бы, с моим-то лицом, испещренным множеством шрамов, полученных в жестоких схватках с хищниками – двуногими и четвероногими.

– Он наш друг, мистер Брэнт, – вмешался Эшли. – Он спас нас в лесу.

– Он дьявол! – упрямо твердил Брэнт, цепляясь за двустволку, но не отваживаясь поднять ее. – Он пришел сюда, чтобы убить нас! Он солгал, когда сказал, что пришел предостеречь меня от беглого убийцы. Какой человек будет настолько глуп, чтобы прийти в Египет ночью, просто чтобы предупредить чужака? Боже мой, он одурачил вас обоих. Разве непонятно? Он носит клеймо гончей!

– Так вы уже знаете, сэр, что эта бестия здесь?! – воскликнул Эшли.

– Да, Гарфилд – этот посланец демона! – сказал мне об этом, когда в прошлый раз пытался проникнуть в дом. Боже, Эшли, гончая взяла след, несмотря на все наши ухищрения. Мы сами себя обрекли на гибель! В городе мы могли бы рассчитывать на помощь соседей, могли бы нанять охрану... Но здесь... Кто в этом проклятом лесу услышит наши пред-

смертные крики? Какие глупцы! Какие же мы глупцы...

– Я слышал, как он смеялся, сэр, – вздрогнул Эшли. – Он потешался над нами... Я видел человека на тропе, разорванного и искалеченного, как будто клыками самого сатаны. Что же... Что нам делать?

– Что мы можем сделать, кроме как запереться и сражаться до последнего? – завопил Брэнт.

– Дядя Ричард, ради всего святого, скажите, что здесь происходит? – умоляла дрожащая девушка.

С истеричным хохотом Брэнт вскинул руку, указывая на чернеющий лес.

– Там прячется дьявол в человеческом обличье! – воскликнул он. – Этот дьявол выслеживал меня по всему миру и, наконец, загнал в угол! Ты помнишь Адама Грима?

– Грима? Человека, который ездил с тобой в Монголию пять лет назад? Но он умер, как ты сказал.

– Я думал, что он мертв, – пробормотал Брэнт. – Послушай, Глория, это странно, но... Среди черных гор Внутренней Монголии, куда не пробирался ни один белый человек, на нашу экспедицию напали дьяволопоклонники – черные монахи Эрлика, живущие в забытом и проклятом городе Яхл-ган. Наши проводники и слуги были убиты, а весь наш скот угнали, кроме одного маленького верблюда. Грим и я отбивались весь день, стреляя из-за скал. С приходом ночи мы планировали сбежать на верблуде, который у нас остался. Но я сразу понял, что верблуд не сможет увезти в без-

опасное место нас обоих. Слишком тяжела ноша! Если и есть шанс, то лишь у одного всадника. Когда стемнело, я ударил Грима по затылку прикладом ружья, лишив его чувств. Затем сел на верблюда и ускакал прочь...

Он не обратил внимания на выражение болезненного изумления и отвращения на прекрасном лице девушки. Широко раскрытые глаза мисс Глории были устремлены на дядю, как будто она впервые видела его насквозь, и была поражена увиденным. Брэнт продолжал говорить, вздохнув, как одержимый.

– Я прорвался сквозь строй фанатиков и сбежал. А Грим попал в руки дьяволопоклонников, и в течение многих лет я полагал, что он мертв. Но, семь месяцев назад, я узнал, что Адам выжил и вернулся в Америку, чтобы отомстить мне. Монахи не убили его. Своим проклятым искусством они изменили Грима. Этот человек больше не является человеком, а единственная цель, к которой он стремится – убить меня, жестоко убить. Я бегал от него по всей стране больше месяца, как затравленный зверь, и, наконец, когда я поверил, что сбил гончую со следа, то укрылся в этой богом забытой глуши, среди дикарей и варваров, типичным примером которых является тот бродяга, Кирби Гарфилд.

– Вы смаете толковать о варварах?! – девушка вспыхнула, и презрение, прозвучавшее в ее голосе, рассекло бы душу любого человека надвое, подобно клинку. Но Брэнт был слишком поглощен собственными страхами.

Мисс Глория повернулась ко мне.

– Мистер Гарфилд, войдите, пожалуйста. Вы не должны оставаться в лесу ночью, наедине с этим злодеем.

– Нет! – завопил Брэнт. – Отойди от двери, мерзавец! Эшли, молчи. Говорю тебе, он пособник Адама Грима! Он не ступит в эту хижину!

Девушка посмотрела на меня, бледная, беспомощная и несчастная. Я повернулся к ней, не отводя револьвера от головы Брэнта.

– Не беспокойтесь, мисс! Я бы не стал спать в этой хижине, даже если бы все волки ада завывали снаружи, – а потом процедил сквозь зубы, обращаясь к отшельнику. – Я ухожу, и если ты выстрелишь в спину, я убью тебя, прежде чем умру. Я бы вообще не вернулся к этой лачуге, но юной леди требовалась моя защита. Мисс Брэнт, – сказал я уже дружелюбнее, – если хотите, я вернусь завтра с повозкой и отвезу вас в деревню. Вам лучше вернуться в Нью-Йорк.

– Эшли отвезет ее в деревню, – прорычал Брэнт. – Убейся, черт возьми!

Я молча повернулся к нему спиной и зашагал прочь. Дверь захлопнулась, я услышал, как он дрожащим голосом утешает плачущую племянницу. Бедная девочка! Она покинула привычную городскую жизнь и оказалась в чужих краях, среди людей, чьи обычаи могут показаться, на первый взгляд, дикими и жестокими. Сосновые леса Юго-Запада и сами по себе способны напугать любого горожанина с Восто-

ка, а если к мрачной тайне и первобытной дикости этих лесов присовокупить появление мрачного фантома из забытого прошлого, — о, это ведь сущий кошмар!

Я шел по наезженной тропе, не оглядываясь. Но вскоре мои шаги замедлились. Опасность витала над хижинкой на этой крошечной поляне, и настоящий джентльмен не мог оставить несчастную девушку лишь под защитой полусумасшедшего дяди и его старого слуги. Да, Эшли мог дать отпор любому человеку, но не порождению дьяволопоклонников. На Брэнта же надеяться не стоило. Он совсем обезумел от страха, но я не испытывал к нему ни малейшего сочувствия. Человек, который пожертвует другом ради спасения собственной жизни, по моему разумению заслуживает смерти. Если бы Грим хотел свести счеты только с ним, я не стал бы возражать.

Однако мне было очевидно, что Грим сошел с ума. Он растерзал проводника в приступе ярости, хотя бедняга Джимми Тик ничем не обидел его. Значит, жестокий мститель не пощадит и девушку. Но я не мог допустить, чтобы мисс Глория пострадала за грехи своего дяди. Если Брэнт не послал телеграмму, то, похоже, его племянницу вызвали сюда со зловещей целью. Кто, кроме самого Грима, вызвал бы ее, чтобы разделить гибель, которую злодей запланировал для Ричарда Брэнта?

Я повернулся и зашагал обратно по тропе. Пусть я не смогу войти в хижину, но, по крайней мере, укроюсь в тени по-

близости и поспешу на помощь по первому зову мисс Глории. Несколько мгновений спустя я оказался на краю поляны. Свет пробивался через щели в ставнях, а в одном месте была видна часть оконного стекла. В тот момент, когда я шагнул из-под сени деревьев к хижине, это стекло разлетелось на сотни осколков, как будто кто-то швырнул в него камень. Ночная мгла вспыхнула ослепительным пламенем, которое вырвалось из дверей, окон и дымохода хижины. На одно бесконечно малое мгновение я увидел, как лачуга чернеет на фоне лижущих ее огненных языков и удивился, что взрыв хижины не сопровождается громоподобным звуком.

В ту же секунду еще один взрыв заполнил мою голову искрами, и на этот раз, я услышал грохот. Кто-то подкрался сзади и ударил меня по затылку чем-то тяжелым. Не успев осознать, что происходит, я провалился во тьму.

III

Судорожное мерцание проникло в мое затуманенное сознание. Я моргнул, покачал головой и внезапно полностью очнулся. Я лежал на спине, на небольшой поляне, окруженной черными деревьями. Стена леса отражала неуверенный свет, исходящий от факела, что был воткнут в землю. Моя голова пульсировала от боли, исцарапанная кожа саднила, руки были скованны наручниками, а одежда превратилась в лоскуты, будто ее рвали когтями дикие звери. Мрачная фи-

гура сидела рядом со мной на корточках. Чернокожий мужчина, одетый только в рваные грязные бриджи. Среднего роста, но с широченными печами. Топ Брэкстон. Он был подобен фигуре из бездны, откуда миллион лет назад выползло человечество. Примитивная свирепость отражалась в выпуклых мускулах на его огромных ручищах. Маленькая голова со скошенным лбом, мутные глаза, клыки, сверкающие в свете факела – все свидетельствовало о родстве кровожадного убийцы с неандертальцами. Он держал по револьверу в каждой руке и поочередно целился в меня, сначала из одного, потом из второго, прищуриваясь и ухмыляясь. Один пистолет был моим.

– Чертов Брэкстон! – откашлялся я. – Ты-то каким боком вписываешься в этот кошмар?

– Я думал, ты уже окочурился, Кирби Гарфилд, – хмыкнул он. – Рад, что ты пришел в себя. Я хотел, чтобы ты пришел сюда. Чтобы я убил тебя. Чтобы ты знал, кто тебя убивает. А потом уж схожу в хижину и посмотрю, как масса Грим убивает старика и девчонку.

– Что ты знаешь об этом Гриме, черный дьявол? – резко спросил я.

– Ничего не знаю. Случайно столкнулся с массой Гримом в глухом лесу после того, как он убил Джимми Тика. Я услышал шум и крики, пошел взглянуть, – подумал, может, меня кто-то преследует.

– Значит, тот мерцающий свет, что я видел... Это был

твой факел? – проворчал я.

– Масса Грим сказал, что если я помогу убить несколько слабаков, то он потом поможет мне уйти. Он бросил бомбу в ту хижину, эта бомба хитрая, не убивает людей, а просто парализует их. Меня же он оставил в засаде, чтобы никто не подкрался сзади, пока он будет потрошить обитателей той лачуги. Я увидел тебя, выходящего и леса, и ударил по башке. В этот момент из хижины выскочил старый слуга, на которого бомба не подействовала. Тогда масса Грим просто взял, да и перекусил ему горло, как он сделал это с Джимми Тиком.

– Что ты имеешь в виду – перекусил горло? – спросил я, с трудом сдерживая тошноту.

– Масса Гримм – не совсем человек. Он стоит и ходит, как мужчина, но сам он наполовину волк или шакал.

– Оборотень, что ли?

Топ Брэкстон ухмыльнулся.

– Да кто ж его знает, может и оборотень. Какая разница, кто он, если мозги тебе вышибу я?

Его толстые губы застыли в невеселой усмешке убийцы, когда он покосился на дуло пистолета в правой руке. Все мое тело напряглось, я отчаянно искал лазейку, чтобы спасти свою жизнь. Топ не связал мои ноги, но руки были скованны. В отчаянье я мысленно погрузился в глубины фольклора чернокожих, пытаюсь отыскать одно старое, почти забытое суеверие.

– Эти наручники принадлежали Джо Сорли, не так ли? – растягивая слова, проговорил я.

– Ага, – ухмыльнулся Топ. – Я врезал ему по башке стальным прутком, который выломал из оконной решетки. А потом забрал пистолет Джо и эти браслеты, подумал, вдруг пригодятся.

– Что ж, – сказал я, – если ты пристрелишь меня, пока я в этих наручниках, то будешь навеки проклят! Разве ты не знаешь, что если убьешь белого человека с крестом, то его призрак будет преследовать тебя до самого смертного часа?

Он опустил револьвер, но продолжал ухмыляться.

– Ты это о чем? Я ведь проверил, ты не носишь креста.

– Это так. Но я знал Джо. Однажды он показывал мне эти наручники, там, на внутренней стороне, нацарапан крест. А теперь давай, стреляй. Мой призрак будет мучить тебя до самой смерти, а потом не даст покоя и в аду.

– Врешь! – прорычал он, угрожающе поднимая револьвер.

– Узнай сам, – спокойно сказал я. – Надеюсь, ты выспался в тюрьме? Потому что я позабочусь о том, чтобы ты не сомкнул глаз до могилы. Каждую ночь ты будешь видеть мое призрачное лицо, слышать мои стоны в завывании ветра. Когда ты окажешься в темноте, сразу почувствуешь мои ледяные пальцы на своем горле.

– Замолчи! – взревел он, размахивая пистолетами.

– Заткни мне рот, если посмеешь! – я попытался сесть, а затем упал, ругаясь. – Черт побери, у меня нога сломана!

Эбеновая кожа Топа пошла бледными пятнами, но в его глазах вспыхнула решимость. Он оскалил блестящие зубы в звериной усмешке и положил оба пистолета на землю, подальше от меня. Затем встал, выудил ключ из кармана бриджей и склонился надо мной. Он считал, что раз я безоружен, да еще и со сломанной ногой, то я совершенно беспомощен. Но, как только он повернул ключ и сорвал железные браслеты, мои руки метнулись, словно две змеи, и яростно вцепились в его горло. Брэкстон понял, что я был калеккой не больше, чем он и превратился в свирепый ураган. Мы катались по сосновым иголкам, рыча от ярости, как два диких зверя.

Если бы я писал элегантный роман, то должен был бы рассказать, что одолел Топа, благодаря высокому интеллекту, боксерским навыкам, а может быть, научным знаниям, которые превозмогли его грубую силу. Но в этой хронике я должен придерживаться фактов. Без грязных приемов, которыми я овладел в пьяных драках, и без доли удачи я бы не смог противостоять тигриной жестокости и сокрушительной силе Топа Бракстона. Мы бились грудь в грудь, как гориллы, мускул против мускула, кулак против кулака. Я бил его коленом в пах, рвал зубами жилы, он сжимал меня, будто в тисках, желая раздробить ребра. Мы оба забыли о пистолетах на земле, хотя перекатывались через них не менее дюжины раз. Каждый из нас осознавал только одно желание: убить голыми руками. Раздирать, рвать, терзать и топтать, пока со-

перник не превратится в гору окровавленной плоти и расколотых костей.

Не знаю, как долго мы боролись. Его пальцы были похожи на железные когти, которые разрывали плоть. Моя голова плыла от ударов о твердую землю, и по боли в боку я понял, что, по крайней мере, одно ребро было сломано. Но я терпел боль и продолжал наносить удары. Факел был сбит и отброшен в сторону, он прерывисто тлел, освещая поле битвы зловещим светом. В этой багровой дымке я разглядел его кулак, огромный, будто кузнечный молот, занесенный для последнего удара. Освободившись от его хватки, я со всей силы ударил его в грудь, напротив сердца. Раздался хруст костей и громкий стон, на губах Топа выступила кровавая пена. Я почувствовал, как массивное тело обмякло, и он завалился вбок. Я навалился на противника, вновь сжимая его горло. Ногти Брэкстона царапали мои запястья все слабее и слабее. И я задушил его, без хитрых уловок или приемов джиу-джитсу, просто давил со всей силы, пока толстая шея не сломалась, как гнилая ветка. В яростном угаре, я не заметил момента, когда он умер, и продолжал сжимать пальцы еще минут десять, прежде чем понял, что Топ Брэкстон мертв.

Мне хотелось упасть на спину, закрыть глаза и пролежать без движения хотя бы до утра. Но у меня осталось еще одно неоконченное дело. Я нашел револьверы, проверил, что оба заряжены, и побрел через сосны в том направлении, где

стояла хижина Ричарда Брэнта. Убийца не стал тащить меня далеко, в дремучий лес, к тому же он и сам хотел вернуться к хижине, чтобы полюбоваться кровавой расправой. Поэтому уже через пять минут я вышел на тропу, и снова увидел свет хижины, мерцающий сквозь сосны.

Брэкстон не солгал об устройстве бомбы. По крайней мере, беззвучный взрыв не разрушил хижину, она стояла на том же месте. Свет, как и прежде, лился из окон, закрытых ставнями, а изнутри доносился пронзительный издевательский смех, от которого по спине пополз холодок. Это был смех Адама Грима, который я слышал прежде, у затененной тропы.

IV

Я покрался к хижине. У порога споткнулся обо что-то громоздкое и податливое, чуть не упал на колени. Это был труп Эшли. Старый слуга лежал на спине, глядя невидящим взглядом вверх, его голова откинулась назад, а горло было разорвано – от подбородка до воротника сплошная рваная рана... Я закрыл ему глаза и скользнул к приоткрытой двери хижины. Прислушался. Смех в доме прекратился, и раздался тот самый жуткий нечеловеческий голос. С трудом я разобрал слова.

– ... И поэтому черные монахи Эрлика не убили меня. Они предпочли шутку – восхитительную шутку, с их точ-

ки зрения. Просто убить меня было бы слишком любезно, они считали более забавным поиграть со мной какое-то время, а затем отправили меня в этот мир с меткой, которую я никогда не смогу стереть, – клеймом ищейки. И они отлично справились со своей работой. Никто не знает лучше, чем они, как изменить человека. Черная магия? Ба! Эти дьяволы – величайшие ученые в мире. То немногое, что западный мир знает о науке, утекает тонкими ручейками с этих черных гор.

Дьяволопоклонники могли бы покорить мир, если бы захотели. Они знают то, о чем современные ученые даже не осмеливаются подумать. Они знают о пластической хирургии больше, чем все хирурги мира вместе взятые. Они понимают, как замедлить старение организма, или напротив, ускорить его, чтобы молодой человек за сутки превратился в дряхлого старика. Они умеют добиваться неожиданных результатов... Посмотри на меня! Смотри, Ричард, черт тебя побери, смотри, на какую судьбу ты обрек меня тогда!

Я осторожно заглянул в окно, через щель в ставне.

Ричард Брэнт лежал на диване в комнате, слишком богато обставленной для хижины отшельника на лесной поляне. Он был связан по рукам и ногам, в его печальных глазах застыл ужас. Напротив него на столе лежала мисс Глория, она была обнажена, вся ее одежда в беспорядке валялась на полу. Девушка во все глаза смотрела на Грима, который стоял в центре комнаты.

Он стоял спиной к окну и смотрел на Ричарда Брэнта. Высокий худощавый человек в темной, облегающей одежде, с чем-то вроде накидки, свисающей с широких плеч. Но при взгляде на Грима меня охватила странная дрожь, и я, наконец, осознал весь тот ужас, который испытал с тех пор, как впервые увидел эту изможденную фигуру на темной тропе, над телом бедняги Джимми.

– Они превратили меня в уродливое чудовище, а затем выгнали, – бормотал Грим. – Но перемена произошла не за день, или месяц, или год! Они играли со мной, как дьяволы играют с кричащей душой на раскаленных добела решетках ада! Снова и снова! Я бы умер, но меня поддерживала мысль о мести. В течение долгих лет, окрашенных в красный цвет от пыток и агонии, я мечтал о том дне, когда ты заплатишь свой долг, Ричард Брэнт!

Наконец, охота началась. Когда я добрался до Нью-Йорка, то первым делом отправил тебе фотографию моего лица. А также письмо с подробным описанием того, что произошло со мной – и того, что произойдет с тобой. Ты, дурак, ты думал, что сможешь сбежать? Ха-ха-ха! Думаешь, я бы предупредил тебя, если бы не был уверен, что добыча не сможет ускользнуть? Нет, Ричард! Я хотел, чтобы ты страдал, зная об уготованных тебе мучениях, чтобы ты жил в постоянном страхе, бежал и прятался, как загнанный зверь. Ты бежал, а я охотился. Гонял тебя от океана до океана. Шел по следу. Тебе удалось ненадолго ускользнуть, спрятаться в этих лесах,

но я учуял тебя и здесь. Когда черные монахи Яхл-гана подарили мне это, – Адам Грим ударил себя по лицу, – они наделили меня духом зверя, его повадками и возможностями, которые выходят далеко за пределы человеческих.

Убить тебя быстро? Нет, этого недостаточно. Я хотел смаковать мою месть, словно лучшее вино, до последней капли. Поэтому отправил телеграмму твоей племяннице, единственному человеку в мире, о котором ты заботился. Мой план сработал идеально – за одним исключением. Бинты, которые я носил с тех пор, как покинул Яхл-ган, сорвал сосновая ветка. Мне пришлось убить проводника, который показывал путь к вашей хижине. Никто не имеет права увидеть мое лицо и прожить хотя бы день после этого. Никто, кроме, разве что, Топа Брэкстона, но он и сам больше похож на животное. Я встретил этого негодяя вскоре после того, как в меня выстрелил тот бузотер, Гарфилд. И я доверился Брэкстону, признав в нем ценного союзника. Он слишком туп и жесток, чтобы испытывать ужас от моей внешности, как все вы, проклятые слюнтяи.

Мне повезло, что я встретил этого убийцу. Он прикрывал мою спину и прикончил Гарфилда, когда тот решил вернуться. Сам бы я не рискнул связываться с Гарфилдом или ему подобными. Здесьние бродяги слишком сильны и умело обращаются со своим оружием. У них есть чему поучиться, Ричард Брэнт. Они живут в жестоком краю, и вырастают стойкими и опасными, как лесные волки. Но ты не такой. Ты

мягкий и цивилизованный. Я бы хотел, чтобы ты были такими же жестоким, как Гарфилд. Тогда бы ты продержался на несколько дней дольше, чтобы страдать.

Я дал Гарфилду шанс уйти, но этот глупец вернулся, и с ним пришлось разбираться. Как и с твоим слугой. Бомба, которую я бросил в окно, не подействовала на него. Там содержался один секретный химический препарат, которые мне удалось украсть из Монголии. Он парализует людей, но эффективность зависит от физической силы жертвы. Парализующего газа достаточно, чтобы вырубить слабую девушку или такого изнеженного дегенерата, как ты. Но Эшли смог выбраться из хижины и мне пришлось его убить.

Брэнт застонал, в его глазах застыл страх. Пена слетала с его губ. Отшельник сошел с ума, как и жуткое существо, которое возвышалось над ним. Только девушка, жалобно хнычущая на столе, оставалась в здравом уме. Надолго ли?

– Твоя племянница умрет первой, – завопил Адам Грим. – Я убью ее так, как убивают женщин в Монголии, заживо сдирая кожу, медленно – о, так медленно! Она будет истекать кровью, чтобы заставить тебя страдать, Ричард Брэнт. Страдать, как я страдал в черном Яхл-гане! Она не должна умереть, пока на теле не останется ни дюйма кожи! А потом я примусь за ее лицо... Смотри, как я сдираю кожу с твоей любимой племянницы, Ричард Брэнт! Не отводи глаз!

Не уверен, что Брэнт понимал его слова. Он бормотал какую-то тарабарщину, качая головой из стороны в сторону. Я

поднял револьвер и прицелился, но в этот момент Грим развернулся, и вид его лица парализовал меня. Не знаю, какие непостижимые мастера безымянной науки обитают в башнях Яхл-гана, но, несомненно, это лицо изменила черная магия. Уши, лоб и глаза остались такими же, как у обычного человека, но нос, рот и челюсти были порождением ночных кошмаров. Не могу подобрать слова, чтобы описать эту сверхъестественную жуть. Нижняя часть лица Грима напоминала морду собаки или волка. Подбородка не было, верхняя и нижняя челюсти выступали вперед, а тонкие черные губы едва прикрывали острые и белоснежные клыки.

Но изменения коснулись не только внешнего вида. Когда дьяволопоклонники изменили лицо Адама Грима, они произвели соответствующее изменение в его душе. Он уже не был человеком, он был оборотнем, таким же жутким, как чудовища из средневековых легенд. Глаза его вспыхнули, как угли адского пламени и существо, которое раньше было Адамом Гримом, бросилось к мисс Глории с изогнутым ножом в руке – такие используют мясники и охотники для снятия шкур. В этот миг я невероятным усилием воли стряхнул оцепенение и выстрелил в щель между ставнями. Я не промахнулся. Я видел, как плащ Грима дернулся от удара пули, чудовище пошатнулось, и нож выпал из его руки. Затем он развернулся и бросился через комнату к Ричарду Брэнту.

Я мог бы выбить ставни вместе с оконным переплетом, прыгнуть в комнату и схватиться с чудовищем, которое со-

творили монахи Внутренней Монголии. Но оборотень двигался так быстро, что Ричард Брэнт все равно умер бы, прежде чем я успел бы ворваться в комнату. Я сделал то, что казалось мне единственно правильным, — нашпиговал зверя свинцом, когда он пересекал комнату. С шестью пулями в теле и человек, и зверь должны были заодно рухнуть на пол. Но в нем было что-то демоническое, Адам Грим устоял на ногах и продолжал тянуться к своей жертве. Он полз, как зверь, на четвереньках, пена и кровь капали из его оскаленной пасти. Меня охватила паника. Я схватил второй револьвер и разрядил его в залитое кровью тело, которое мучительно корчилось, но продолжало ползти вперед. Все ангелы рая и демоны ада не смог бы оттащить Адама Грима от его добычи, и сама смерть отступила от ужасной решимости этой злобной, когда-то человеческой, души. Ищейка добралась до человека на диване. Ричард Брэнт закричал, когда ужасные челюсти сомкнулись на его горле, но крик тут же превратился в невнятное бульканье. На мгновение эти два ужасных лица, казалось, слились воедино — безумный человек и безумный нечеловек. Затем жестом дикого зверя Грим вскинул голову, вырвав яремную вену врага. Окровавленная морда оскалилась в последней усмешке, чудовище вытянулось рядом с телом своей жертвы и, наконец, испустило дух.

Роберт Говард

Змея из ночного кошмара

Мы сидели на широкой веранде в крошечной тьме. Ночь уже вступила в свои права, и все вокруг уснуло, наполняя мир тишиной – той особенной тишиной, в которой одновременно чувствуется божье благословение и таится нечто злое.

Мы молчали.

Вскоре на востоке, за холмами, появилась золотая дымка, а через несколько минут взошла огромная луна, разгоняя скопление теней между вековыми деревьями. Легкий ветерок погнал извилистые волны по высокой луговой траве и в этот момент на веранде раздался судорожный вздох.

Все оглянулись на Фэмингса. Он подался вперед, стиснув подлокотники кресла. Побледневшее лицо исказила гримаса ярости, а тонкая струйка крови стекала по подбородку – Фэмингс сильно прикусил губу, чтобы сдержать крик.

– Вы так и будете пялиться на меня, как стадо баранов? – раздраженно зарычал он.

Никто не ответил, но удивление в глазах многих сменилось испугом.

– Ладно, – скрипнул зубами Фэмингс. – Думаю, мне лучше рассказать вам все, пусть даже вы сочтете меня сумасшед-

шим. Но мне плевать! Я просто хочу выбросить это из головы, а потому расскажу. Но клянусь, что пристрелю всякого, кто рискнет меня перебить!

Его лицо блестело в лунном свете от внезапно проступившего пота.

– Ладно. Вы знаете, что я человек простой и выдумывать не умею. Все эти рассказы у костра, охотничьи, рыбацкие или армейские байки – не для меня. Но есть одна фантазия, которая не дает мне покоя с юных лет. Сон, – он съезжился в кресле, – хотя точнее будет назвать его кошмаром. Не могу вспомнить, в каком возрасте мне впервые приснилась эта жуть, но, кажется, я просыпаюсь с ужасными криками сколько себя помню...

Фэмингс помолчал, оживляя в памяти ужасную картину.

– Во сне я вижу такие же холмы, заросшие луговой травой. Но там, во сне, я совершенно точно не в английском поместье, как сейчас, а в экваториальной Африке. Там есть маленькое бунгало, в котором я живу. Со мной живет слуга – старый индус, морщинистый, как сушеный инжир. Я не знаю, за каким чертом мы забрались в эту дикую глушь, но во сне меня не покидает ощущение, что я скрываюсь от правосудия. Знаете, – он ватер лоб тыльной стороной ладони, – тот человек в моем сне – это не совсем я, но при этом я четко осознаю, что это я. Черт! Не знаю, как объяснить, да это, наверное, и не требуется. Сон есть сон.

Итак, в этом сне мы со слугой живем в крошечном бун-

гало на холме. Вокруг, куда хватает глаз, такие же холмы, заросшие травой. Где-то она по пояс, где-то чуть закрывает голенища сапог. Пустынная местность, кричи – не кричи, никто не придет на помощь. Нет лучше убежища, когда желаешь спрятаться от людей с веревкой, желающих вздернуть тебя за какое-то позабытое преступление...

Сон всегда начинается одинаково. Я поднимаюсь на холм, к своему бунгалу, по узкой извилистой тропинке. Эта тропинка не вытоптана подошвами сапог и не выкошена косой, она возникла как бы сама собой, когда по траве тащили что-то тяжелое, а может, катили полную бочку или большой каменный шар. Но все это я замечаю краем глаза, сознание же мое возмущено и думает совершенно о другом. У меня сломалось ружье. Беда! В этой глуши без ружья нельзя, теперь мне придется отказаться от охоты и если придут люди с веревкой, отстреливаться нечем. Видите ли, господа, я действительно об этом думаю, действительно ощущаю раздражение и смутную тревогу. Почему-то в тот момент я осознаю, что люди, желающие мне смерти – это еще не самое страшное. Я ускоряю шаг, желая поскорее оказаться под защитой стен бунгалу, довольно крепких и надежных. Зову слугу, но старый индус не откликается. Зову снова – молчание. Подхожу к распахнутой настежь двери бунгалу и осторожно заглядываю в комнату.

Там полный разгром. Стулья разбиты в щепки, стол перевернут, а охотничьи трофеи сброшены со стен и валяются в

беспорядке. Слуги нигде нет, только его кинжал торчит из земляного пола. А рядом еще несколько следов, оставленных острым лезвием, как будто индус в негодовании набросился на землю и наносил беспорядочные удары, желая ранить ее. Неужели мой слуга сошел с ума и сбежал?

Во сне я сажусь на уцелевший стул и начинаю размышлять. Ах, господа, мне в голову каждую ночь приходят одни и те же мысли. Сначала про нападение бандитов. Но я тут же отметаю ее, поскольку здешние разбойники непременно забрали бы мои припасы, патроны, небольшой запас золота. Но все на месте. Кроме того, негодяи подожгли бы бунгало, для них это – особое развлечение, а дом уцелел. Выходит, это не бандиты.

Тогда дикий зверь. Лев? Нет, тогда здесь осталась бы лужа крови и следы когтистых лап.

Следы...

Я внезапно вспоминая странную тропинку, по которой поднимался к вершине холма. Волосы шевелятся на моей голове, а незримые ледяные пальцы сжимают мое горло. Я понимаю, чей это был след. Гигантская змея заползла сюда, разнесла бунгало и забрала моего слугу. Он не сошел с ума, наоборот, действовал здраво и логично: индус втыкал свой кинжал в землю, чтобы змея не утащила в свое логово.

Сломанное ружье трясется у меня в руке, когда я понимаю, что у меня нет оружия, способного уничтожить или хотя бы отпугнуть огромное чудовище. Я в панике бросаюсь к

двери и выбегаю на холм, чтобы успеть добежать до реки и переплыть на противоположный берег. Возможно, туда змея за мной не последует. Но в этот момент солнце скатывается за холмы и резко, как театральный занавес, опускаются африканские сумерки. А по высокой траве, изгибаясь и подрагивая, катится волна. Но ветра нет, ни единого дуновения. И я понимаю, что приближается ко мне в этой чертовой траве. И цепенею от ужаса. Боже мой!

Он вскрикнул, прижимая ладонь к сердцу. Все слушатели вздрогнули. До этого момента мы и не осознавали как велико нервное напряжение, охватившее беднягу Фэмингса.

Он помолчал секунду-другую и продолжил:

– Усилием воли, я заставляю себя сдвинуться с места. Я бегу в бунгало, запираю дверь и окно, зажигаю светильник и жду, затаившись в углу. Я неподвижен, будто статуя. Я весь обратился в слух. Через полчаса – или позже, или раньше, я не знаю, – всходит луна. Ее бледный свет медленно проплывает мимо окна, а я по-прежнему стою неподвижно. Я слышу, как ветерок что-то шепчет и ерошит гриву травы, и каждый раз от этого звука я вздрагиваю и сжимаю кулаки, с такой силой, что ногти вонзаются в плоть и кровь течет по моим ладоням. Я стою, слушаю и жду неминуемой смерти. Но вот что самое жуткое, господа...

Фэмингс понизил голос до шепота:

– В ту ночь ничего не происходит!

По веранде пронесся общий вздох, в котором смешались

самые разнообразные эмоции, но никто не перебивал рассказчика.

– Страшный сон продолжается. Мне казалось, что если я доживу до утра, то первым делом убегу как можно дальше от этого проклятого бунгало. Найму лодку на реке и поплыву до побережья, а там сдамся законникам, и пусть меня повесят – какая прекрасная, легкая и быстрая смерть. Но вот наступает утро, а я не смею сделать и шага. Я не знаю, в каком направлении подстерегает меня змея. Идти против чудовища с одним кинжалом кажется мне совершенно бредовой идеей. Лучше пересидеть в бунгало, эти стены должны защитить меня. И я сижу. Сижу, глядя на солнце, неустанно катящееся к закату. О, если бы я мог остановить солнце в небе! Но это невозможно, день пролетает во сне за несколько секунд, но какие же муки приносит мне каждая из них...

К вечеру длинные серые тени ползут по холмам. Я так и не отпирал двери и не выходил из бунгало, голова кружилась от страха при мысли об этом. Я зажег лампу задолго до того, как погас последний луч солнца. Хотя свет лампы может привлечь чудовище, но я не осмеливаюсь оставаться в темноте. И снова я стою в центре комнаты и жду.

Он остановился и облизал пересохшие губы. Кто-то негромко откашлялся, желая задать вопрос, но Фэмингс торопливо заговорил, не желая, чтобы его перебивали:

– Не знаю, сколько я простоял так. Время растворилось, каждая секунда превратилась в вечность. Мой слух обост-

рился до невозможных пределов и вот, наконец, я услышал это. На сей раз точно не ветер. Это был свист, негромкий и ритмичный свист, как если бы джентльмен шел по Стрэнду быстрым шагом и рассекал воздух тонкой металлической тростью. Надвигалось что-то огромное и тяжелое. Перед дверью свист прекратился, но тут же послышался скрип. Заскрипели петли. Что-то навалилось на дверь снаружи и пытается проникнуть в бунгало. Давит и дверь прогибается, потом сильнее, еще сильнее. Я знаю, что должен удержать эту дверь, – Фэмингс вытянул руки перед собой, как если бы упирался в невидимую стену, дыхание его стало прерывистым. – Я должен удержать дверь, но не могу. Не могу пошевелиться... Я стою, как агнец на жертвенном алтаре и жду, когда придет моя смерть. Стою и дрожу, но дверь, к счастью, не поддается.

Он провел дрожащей рукой по лбу. Мы тоже дрожали, некоторые все время оглядывались через плечо на холмы и луга.

– Я так и стою в центре комнаты, неподвижный, как каменный истукан. Поворачиваюсь то вправо, то влево, поскольку свист травы подсказывает, что чудовище ползает вокруг бунгало. Изредка звук прекращается, и тогда я стараюсь не дышать, что мне в голову приходит жуткая мысль: змея уже проникла в бунгало, поэтому ее и не слышно. Я дрожу и кружусь по комнате, стараясь не шуметь, и боюсь оглядываться – вдруг эта жуть уже у меня за спиной?! Затем снару-

жи снова доносится свист, и я замираю неподвижно.

Мне страшно, невероятно страшно. Мой разум бьется в конвульсиях от навязчивой идеи, что змея сейчас поднимет свою уродливую голову и посмотрит в окно, прямо на меня. И я понимаю, что если это случится во сне, то я сойду с ума и наяву. Если я увижу ее жуткую пасть, ее голодные глаза, я стану абсолютным, диким безумцем. Боже! – пробормотал он. – Какая ужасная участь мне уготована...

С минуту все молчали. Фэмингс закрыл лицо руками и, похоже, беззвучно плакал. Но вот, наконец, он справился с нахлынувшими чувствами, и заговорил:

– И вот так я стою посреди комнаты в бунгало. Проходят минуты или столетия, я не знаю. Вскоре появляется свет. Серый, безжизненный, но я радуюсь. Я ликую! Ночь позади, а с ней исчезнет и чудовищная змея. Свист затихает вдали, а красное изможденное солнце карабкается вверх по небосводу. Затем я оборачиваюсь и смотрю в зеркало – мои волосы поседели, а кожа напоминает сморщенный инжир. Я превратился в старика. Шатаюсь, дохожу до двери и распахиваю ее. Вижу примятую траву, новую тропинку, сбегаящую с холма. Я обхожу бунгало и бегу в противоположном направлении, точнее, не бегу, а ковыляю. Я смеюсь, как сумасшедший – визгливо, взхлеб. Я бегу из последних сил, пока не падаю от утомления, а затем лежу, не в силах пошевелиться и пойти дальше. Я ползу, подстегиваемый ужасом, задыхаюсь и смотрю на солнце. Как же стремительно оно несется к закату. Как

же хочется остановить его. Но нет! Я вижу, солнце сползает за горизонт и приходит тьма.

Он шептал, и мы инстинктивно наклонились поближе, чтобы лучше слышать.

– Вскоре приходит луна и наполняет мир призрачным серебристым светом. Но через секунду свет становится кроваво-красным, как и сама луна. Я оглядываюсь назад и вижу, что трава, через которую я шел... Через которую полз, обдирая кожу на локтях... Трава колыхнется. Ветерка нет, но высокая трава качается в лунном свете, по ней движется волна. Она еще далеко, но с каждым мгновением приближается.

Его голос затих. Наступившую тишину нарушил чей-то голос: «А потом...?»

– А потом я просыпаюсь. Никогда еще я не видел это мерзкое чудовище. Но кошмар преследует меня. Впервые я увидел его в детстве и проснулся, не крича от ужаса, а, напротив, хохоча, как безумный. С тех пор я видел сон довольно часто, а в последнее время он приходит каждую ночь, – он заколебался, но продолжил. – И в каждом из последних снов, змея приближается. Движение травы показывает, что скоро она настигнет меня. Когда это случится...

Он замолчал и несколько минут смотрел на темные луга, не реагируя на наши вопросы. Потом, не говоря ни слова, резко поднялся и вошел в дом. Мы некоторое время сидели молча, а затем разошлись по комнатам, потому что было уже поздно.

Не знаю, как долго я спал. Меня разбудил странный звук, показалось, что где-то в доме раздался громкий смех – истеричный и пугающий, такой мне довелось однажды услышать в психиатрической лечебнице. Потом смех резко оборвался, и это, признаюсь, напугало меня гораздо сильнее. Пока я гадал, не приснился ли мне этот безумный хохот, я поднялся с кровати и набросил на плечи халат. Тут же по дому эхом разнесся ужасный крик. В коридоре затопали люди, и я тоже поспешил на звук. Все бросились в комнату Фэмингса и вышибли дверь, запертую изнутри.

Фэмингс лежал мертвым на полу. Его молодое и прекрасное лицо сморщилось, как сушеный инжир, а длинные черные волосы поседели. Позднее доктор, делавший вскрытие, сообщил, что Фэмингс был буквально раздавлен с невероятной, нечеловеческой силой, словно попал под гидравлический пресс.

Или был задушен гигантской змеей.

Роберт Говард

Гиена

С первого взгляда на Сенекосу, шамана и колдуна, я понял, что этому человеку не стоит доверять. Даже я, не так давно приехавший на Восточное побережье, и еще не знакомый со всеми африканскими традициями, сразу распознал в нем подозрительного типа. Возможно, мне, уроженцу штата Вирджиния, мешали расовые предрассудки, впитанные с молоком матери, но этот чернокожий вызывал особенную антипатию.

Сенекоса был долговязым и худощавым, но при этом удивительно мускулистым. Черты его лица – высокий выпуклый лоб, прямой нос и тонкие губы – больше подходили бербери, но волосы шамана были такими же курчавыми, как у бушменов, а кожа – чернее, чем у масаи. Вероятнее всего, он пришел из другого племени, но заслужил уважение местных охотников и стал для них непререкаемым авторитетом. Я часто наблюдал, как шаман идет по высокой траве, а дюжина диких масаи шагает за ним, на почтительном расстоянии, нервно потрясая копьями и злобно глядя по сторонам. Такие проткнут любого, кто придется не по душе Сенекосе. Его манеры были вежливыми, и даже почтительными, но в каждом слове и жесте таилась скрытая насмешка.

Нет, он мне не нравился. В первый же день я заявил об этом Людвигу, дальнему родственнику, десятиюродному брату или что-то в этом духе, на ранчо которого я и поселился. Тот лишь усмехнулся в свою седую бороду и сказал:

– Все племя боится шамана, это правда. Но для белых он настоящий друг, да.

Людвиг много лет прожил на Восточном побережье, знал наперечет все местные племена, обычаи и ритуалы африканцев, нанимал чернокожих, чтобы отгоняли диких зверей от ранчо. Но на все сто процентов он африканцам не доверял. Дом, амбары и коровники обнесли частоколом, который идеально подходил для защиты от нападения. В случае восстания дикарей все стада загоняли внутрь за считанные минуты.

Людвиг очень гордился своими коровами.

– Допустим, сейчас у меня тысяча голов, – говорил он возбужденно, – так и посчитаем: одна тысяча. Но через пять лет, ах! Десять тысяч. Десять! Одна тысяча – это хорошее начало, но это только начало, да.

Он любил пасти своих коров, ездил верхом на лошади и отдавал приказы направо и налево. «Этих гоните туда». «Этих гоните сюда». В такие минуты лицо Людвига сияло от восторга, и я старался не мешать ему. Убегал в степь. О, эти африканские степи! Я любил проехаться до самого горизонта, в одиночку или в сопровождении оруженосца, который таскал винтовку. Стрелял я, надо признаться, отвратительно, с трех шагов и в слона бы не попал. Кроме того, мне не

наверилось убивать зверей. Антилопа выпрыгивала из кустов и грациозными скачками уносилась прочь, а я замирал в седле, любуясь гибкой фигурой и трепещущей красотой этого существа, не обращая внимания на мальчишку, протягивающего мне ружье. На третий день оруженосец стал догадываться, что мы ездим в степь не за добычей, и позволил себе презрительно прокомментировать это:

– Моя младшая сестра охотится лучше, чем белый бвана.

Я был молод и потому дорожил мнением любого, даже этого маленького дикаря, что, разумеется, глупо. Его насмешка уязвила мою гордость. Я стащил его с седла, бросил на землю и бил до тех пор, пока он не взмолился о пощаде.

С мальчишкой и с другими охотниками из племени я несколько раз заговаривал про шамана Сенекосу, но каждый раз собеседники уходили от ответа. Я не мог заставить их говорить ни угрозами, ни щедрыми подарками. Они лишь закатывали глаза и дрожали от страха, а Людвиг, которому я пересказывал это, смеялся:

– Сенекоса хороший парень, оставь его в покое.

И все же одну историю о шамане мне удалось вытянуть из чернокожих слуг на нашем ранчо. Некоторое время назад шаман поссорился с вождем племени. Причины уже никто не помнит, но Сенекоса публично проклял соперника и вскоре после этого вождя нашли мертвым. Его тело был обглодано гиенами, похоже, одна из них перегрызла бедняге горло. Мертвеца никто не оплакивал, ибо он сотворил мно-

го зла соплеменникам, но его гибель внушила масаи ужас – ведь шаман мог обрушить свое проклятье на любого. Вот почему слуги прятались по углам, когда Сенекоса приходил на ранчо. Никто не желал лишний раз встретиться с этим человеком.

Вскоре после этого я повстречал в степи гиену. Огромный хищник стоял на вершине холма, морда его сморщилась от беззвучного рычания. Я удивился, поскольку еще ни разу не сталкивался с таким поведением гиен, обычно они убегают от людей, а эта тварь готовилась напасть. Я вскинул ружье – не тот случай, чтобы миндальничать, сейчас предстоит схватка не на жизнь, а на смерть.

– Не стреляй, бвана! – оруженосец схватил меня за руку. – Не стреляй!

– Но почему? – опешил я.

В ответ он затараторил на своем языке, которого я не понимал. Пока мальчишка бормотал все это, я краем глаза следил за гиеной. Похоже, она прислушивалась к выкрикам и понимала каждое слово. Потом пятнистая лапа махнула в нашу сторону, как бы сообщая: не очень-то и хотелось. Гиена повернулась и поспешила прочь. Неуклюжая походка зверя напомнила мне шамана.

– Смотри-ка, похож на наклюкавшегося Сенекосу! – засмеялся я.

Мальчишка задрожал от страха, развернул свою лошадь и помчался в сторону ранчо, даже не оглянувшись. В изрядном

раздражении я поскакал следом. Шальная мысль не давала мне покоя: шаман Сенекоса, разодранный на куски вождь, испуганные масаи – все это куски одной головоломки, которую я пока не могу сложить. Но я был новичком в Африке, к тому же я был молод и нетерпелив, поэтому вскоре я пожал плечами и перестал думать об этом.

Через несколько дней у ворот ранчо я столкнулся с Сенекосой. Его бесстрастные глаза напоминали глаза змеи, я вздрогнул и отступил на три шага. Шаман не сказал ни слова, однако я почувствовал, что он люто ненавидит меня и замыслил убийство. Не здесь, не сейчас, но когда он будет готов нанести смертельный удар. Но ничего, ничего, мое изначальное недоверие и прежде подсказывало, что не стоит поворачиваться спиной к этому негодяю, а значит, и дальше я буду настороже.

* * *

В тот же день на ранчо приехала Элен. Я не могу представить, по какой причине красивая и богатая девушка решила выбрать африканское захолустье для отдыха от светской жизни Нью-Йорка. Но зачем-то же она приехала. Поначалу я подозревал, что это невеста Людвига, но потом выяснилось, что он приходится ей кузеном по матери. Я обрадовался этому обстоятельству. Поймите правильно, в большом городе я сторонился богатых наследниц, поскольку в их обществе

чувствовал себя глупцом, но в Африке все меняется. Здесь мало белых людей, да и от постоянных нравоучений Людвиг а я, признаться, устал.

Каждое утро, когда я выходил на веранду, Элен встречала меня ласковой улыбкой. Ее золотистые волосы трепал ветерок, а серые глаза – такие большие, такие прекрасные, – заставляли меня трепетать. Она была в восторге от ранчо, от Африки, от дикарей и, наверное, от меня. Я не был красив в Нью-Йорке, в твидовом костюме и начищенных до блеска туфлях. Но здесь, в богом забытых дебрях, я был прекрасен. Пусть на голове я носил этот нелепый пробковый шлем, а одежда давно запылилась и требовала чистки, но зато глаза мои сверкали, а к поясу с патронами были привешены старинный кольт самого большого калибра и длинный нож. Я был похож на героя приключенческих романов, и Элен нравилось проводить время со мной. Людвиг дал нам лучших лошадей, и мы ездили по окрестностям ранчо, не опасаясь ничего. Зря, конечно. Нам постоянно встречались масаи. Они смотрели исподлобья, но не позволяли себе угрожающих слов или жестов. Они, как будто, боялись белой женщины – в этих краях таких сроду не видели. А может кто-то из вождей запретил покушаться на наши жизни, поэтому дикари провожали нас тяжелыми взглядами, но вреда не причиняли.

Маршруты для наших путешествий всегда выбирала Элен. Однажды я отказался ехать через вельд с пожухлой

травой и настаивал, что нужно повернуть назад. Тогда она надула свои красивые губы и назвала меня тираном, а затем поскакала вперед, смеясь надо мной. Ее прекрасные волосы развевались на ветру. Я же замер, как громом пораженный. Тиран! Да я с первой же встречи стал ее рабом. Мне никогда не приходила в голову мысль сделаться любовником Элен. Не потому, что она старше на пять лет, и уж точно не потому, что в Нью-Йорке у нее мог быть возлюбленный, или несколько... Я поклонялся ей, как жрец или шаман, истово и безрассудно, отдавая всего себя этой девушке, чья улыбка опьяняла крепче рома и абсента.

Однажды днем, когда я чинил седло на крыльце, Элен прибежала из дома и возбужденно затараторила:

– Стив, дорогой! Идемте, идемте же скорее. Там дикарь!

– Он напугал вас? – спросил я, хватаясь за револьвер.

– Нет, нет, что вы! Он такой романтичный. Идемте, вы должны сказать мне его имя, – она затащила меня в свою комнату и кивнула на окно. – Там, видите?

Я выглянул в окно. Там стоял Синекоса, сложив руки на груди и надменно запрокинув голову.

– Это шаман здешнего племени, – сказал я.

– Вы должны познакомить нас, – Элен схватила меня за руку и увлекла во двор.

Людвиг, беседовавший с шаманом, представил свою кухню, надо сказать, без особого удовольствия. Он, как и я, предпочитал, чтобы девушка общалась с дикарями как мож-

но реже. Скомкав беседу, Людвиг увел Элен в дом. Я заметил, с каким вожделением Синекоса смотрит вслед красавице, его змеиные глаза, обычно такие бесстрастные, пылали, подобно двум кострам.

В ярости, граничащей с безумием, я выхватил револьвер и приставил к его лбу.

– Не смей даже думать о ней! – прошептал я, взводя курок.

Конечно, я должен был тогда же застрелить мерзавца, разнести его голову, как гнилую тыкву, на тысячи осколков. Но не смог. Шаман взглянул на меня с невозмутимым спокойствием, развернулся на пятках и зашагал к воротам ранчо. Я посмотрел ему вслед и зарычал от бессилия.

Долго сидел я на веранде, размышляя о Синекосе. Этот загадочный человек обладал страшной силой, она чувствовалась в каждом движении, в повороте головы, во взгляде. Но что это за сила? И почему я не смог убить его, хотя до глубины души ненавидел?

Чья-то рука коснулась моей щеки, и я вздрогнул.

– О чем замечтались, Стив? – спросила Элен с улыбкой. – Признайтесь, какую тайну вы храните?

И, не дожидаясь моего ответа, продолжала:

– Этот вождь... Или кем он там себя считает... Разве он не является образчиком благородного дикаря? Знаете, Стив, он пригласил Людвига посетить его дом, палатку, или в чем там они живут... Это где-то далеко, за пастбищами. Мы поедем туда...

– Нет! – воскликнул я, вскакивая на ноги.

Она испуганно отшатнулась.

– Ах, Стив, какой вы грубиян! Синекоса не причинит нам никакого вреда. Он истинный джентльмен, не так ли Людвиг?!

– Да, – безмятежно кивнул ее кузен. – Он очень влиятельный человек, который может помочь устроить здесь выгодное предприятие. Нам есть, что обсудить. Может быть, мы поедем к нему послезавтра?

– Нет! – повторил я, сжимая кулаки. – Если вам нужно что-то обсудить, то возьми меня на переговоры. Элен не приблизится к этому зверю!

– Вот как, мистер? Вы решили, что стали моим боссом? – возмутилась девушка. – Никто не запретит мне общаться с тем, с кем хочется. Мы завтра же поедем к Синекосе.

Я пытался отговорить, но куда там. Элен шипела, как дикая кошка и отказывалась принимать даже самые весомые доводы.

– Мы поедем! – твердила она упрямо. – Завтра же поедем!

Я не мог больше выдерживать этой пытки и убежал прочь. Вернулся за полночь, предполагая, что все давно уснули. Но я ошибся. Элен ждала меня на веранде. Она встала с кресла и сделала несколько шагов мне навстречу.

– Стив, как же я испугалась! Вы вели себя, как безумец. Но теперь все хорошо? Вы не сердитесь на меня? – спросила она с тоской, обнимая меня. – Не сердитесь?

Как я мог сердиться. Она ждала меня, хоть и считала безумцем. Да, я обезумел от прикосновения ее нежного тела. Мне хотелось упасть на колени и пресмыкаться пред нею, ползать в пыли и целовать ее изящные туфельки. Господи, неужели женщины не догадываются, какое влияние они оказывают на мужчин?!

Я молча взял ее руку и прижал к губам.

– Стив, дорогой Стив, – пробормотала она, смутившись. – Пойдемте гулять? Сегодня такая чудесная ночь, и эта полная луна...

Мы прогулялись по ранчо, а потом вышли за частокол. Я даже не подумал, что это может быть опасно, ведь я держал за руку самую прекрасную девушку на свете и, похоже, она любила меня. Я хотел вновь попытаться отговорить Элен от поездки к дикарям. Но что я мог сказать? Что гиены съели вождя, с которым поссорился шаман? Что туземцы боялись Синекосу, как огня? Что этот негодяй смотрел на нее с вожделением? Пока я подбирал слова, мы дошли до зарослей колючего кустарника. Внезапно оттуда выпрыгнул огромный зверь. Желтые клыки сверкнули в лунном свете. От неожиданного удара я опрокинулся навзничь, но успел выставить перед собой левую руку, чтобы оттолкнуть хищника. Это не слишком помогло, зверюга прокусила мне предплечье и когтистыми лапами разорвала куртку на ленточки. Клыки клацали возле моего горла, подбираясь все ближе, но я сумел нащупать рукоятку ножа, выхватил его и нанес удар вслепую.

Я почувствовал, как клинок вонзился в тело врага, зверь завыл и, как тень, исчез в зарослях. Я с трудом поднялся на ноги. Элен поддержала меня и повела к частоколу.

– Что это было? – выдохнула она.

– Гиена, – ответил я. – Этих падальщиков легко узнать по мерзкому запаху, который исходит из их пасти. Но я не слышал, чтобы гиены нападали вот так, в одиночку...

Я почувствовал, как Элен вздрогнула. Позже, перевязывая мою прокушенную руку, она сказала шепотом:

– Стив, я решила не ехать к Синекосе, раз вы этого не хотите.

Я молча поцеловал ее ладонь.

* * *

После того, как раны на моей руке превратились в шрамы, мы с Элен продолжили кататься верхом. Однажды мы забрались довольно далеко от ранчо, и она вызвала меня на скачки. Ее лошадь легко обогнала мою, девушка остановилась и, смеясь, подождала меня.

– Смотри, там деревья, – указала она на небольшую рощу вдалеке. – Давай поскачем туда? Кто первый доберется, тот и чемпион!

И она умчалась прочь. Я двинулся следом, но деревья мне сразу не понравились, поэтому я на ходу расстегнул ремешок, удерживавший револьвер к кобуре, а заодно проверил

нож, который был спрятан за голенищем сапога. Мы были, наверное, на полпути к деревьям, когда из высокой травы выскочили Сенекоса и два десятка чернокожих воинов. Один схватил моего коня за уздечку и тут же получил пулю между глаз. Второй вцепился в ногу Элен, но я не мог стрелять, опасаясь ненароком ранить девушку. Тогда я прицелился в шамана, понимая, что после его смерти, масаи разбегутся кто куда. Я выстрелил, но не попал, поскольку боевая палица одного из воинов выбила меня из седла. Ударившись о землю, я почти потерял сознание, однако успел заметить краем глаза, что Элен пришпорила свою лошадь, вырвалась из окружения и поскакала в сторону ранчо. Сенекоса вскочил на моего коня и бросился в погоню. Вскоре оба исчезли из виду. Воины связали меня по рукам и ногам, понесли к деревьям. В самом сердце небольшой рощи, у родника, стояла хижина из соломы и коры. Не знаю почему, но эта одинокая хижина внушила мне безотчетный ужас. Жить вдали от племени в этих свирепых местах отважится только сумасшедший или преступник, которого изгнали за злодеяния и колдовство. Я догадался, что именно здесь Синекоса проводит свои отвратительные и, наверняка, непристойные обряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.